

Виктор Пятницкий

МЫ ТАК ЛЮБИЛИ «БИТЛЗ»

Пьеса

Виктор Пятницкий

Мы так любили «Битлз». Пьеса

«Издательские решения»

Пятницкий В.

Мы так любили «Битлз». Пьеса / В. Пятницкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834528-9

Когда-то они учились в одном классе, любили «Битлз» и одну женщину. Годы пролетели незаметно. Встретившись через много лет, они заново открывают друг друга. Когда тебе уже за пятьдесят можно уже говорить обо всём начистоту.

ISBN 978-5-44-834528-9

© Пятницкий В.
© Издательские решения

Содержание

1 действие	6
2 действие	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мы так любили «Битлз»

Пьеса

Виктор Пятницкий

© Виктор Пятницкий, 2016

ISBN 978-5-4483-4528-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действующие лица:

Шумов Алексей – 55 лет, чиновник, обильная проседь в волосах; одет по-деловому, рубашка, галстук, брюки.

Стрельцов Александр – 55 лет, инженер, бледный, худой, шатен, седина на висках; одет: водолазка, джинсы.

Дубинин Максим – 55 лет, низкий рост, немного полноват, в левом ухе серьга, одет: бедно, какой-то старый серо-коричневый свитер, широкие мятые штаны.

Инга – 20 лет, куколка с серыми глазами.

Татьяна – 55 лет, светлые волосы, делала пластику.

Стас – 21 год, худой, длинноногий шатен.

1 действие

Квартира Шумова. Слева в самом углу висит плазма. Прямо окно с видом на Башню Федерации. Перед ним чуть правее стеклянный стол, три стула. За столом мягкий кожаный жёлтый диван. Ещё правее бар с раковиной и холодильником. В самом правом углу музыкальные инструменты. Слева от окна входная дверь. Дальше вешалка-тумба. Дальше две большие фотографии в рамках: одна с цветами, другая с видом природы.

Открывается входная дверь. В квартиру заваливаются Шумов, Стрельцов и Дубинин. У Дубинина за спиной болтается гитара.

Шумов (возбуждённо). Парни, давайте к столу. Я в шоке. Такая встреча! Сколько мы не виделись? Лет тридцать? Больше?

Дубинин падает на диван. Стрельцов садится на стул.

Шумов. Сейчас я всё организую.

Он тащит из холодильника на стол закуску, достаёт из бара виски и бокалы.

Дубинин (мотая головой). Смотри – организатор.

Стрельцов (с задумчивым видом). Да.

Шумов (разливая виски в бокалы). И надо же, какая удача встретиться аккуратно в день, когда я дома один. Повезло.

Стрельцов. Я так и не понял, где вы друг друга нашли.

Дубинин. Объясняю. Я стоял, курил около табачного киоска. И тут подходит к киоску такой красиво одетый дядя, вылезший из не менее красивой машины, и покупает сигареты. Мы с ним пересеклись взглядами. Лёха? Макс? Ну и обниматься, охи, ахи. Лёха отправил машину куда подальше, и мы пошли к нему домой пешком. Идём через сквер, смотрим, на скамейке какой-то чужак сидит, о чём-то своём думает. Не Шурик ли Стрельцов? Подошли, точно ты.

Стрельцов. Да, это фантастика.

Шумов (поднимая бокал). За встречу, пацаны.

Дубинин. Ишь какой? Пацаны. Где таких слов набрался?

Стрельцов. Такой у него теперь круг общения.

Шумов. Идите вы в жопу.

Чокнулись, выпили. Дубинин крикнул, а Стрельцов сильно сморщил лицо.

Стрельцов. Фу-х. Самогон.

Шумов. Хороший самогон.

Дубинин. Душевный.

Шумов. Парни, как же вы изменились. Как мы изменились. Грёбаное время никого не щадит. Как же быстро оно пролетело.

Стрельцов. Кто шёл в гору, тому жаль о прошедших счастливых годах, а кто скакал по ухабам то вверх, то вниз, тому и сожалеть особенно не о чем.

Шумов. Ты как был нытиком, так им и остался. Всегда был чем-то недоволен.

Дубинин. А помните, как Санёк гениально Макаревича копировал?

Шумов. Сань, помнишь?

Стрельцов (имитируя голос Макаревича и качая головой). Лица стёрты, краски тусклы, то ли люди, то ли куклы. Взгляд похож на взгляд, а тень на тень.

Шумов и Дубинин радостно аплодируют.

Шумов. Здорово. Давай ещё выпьем.

Выпивают ещё.

Дубинин. Я иногда просыпаюсь и думаю, что мне лет шесть или семь. Так хорошо, душевно, в душе кузнечики прыгают. Потом подхожу к зеркалу и...

Шумов (живо жуя бутерброд). Я себя в душе где-то лет на тридцать пять ощущаю. Мне бы ещё сил побольше, и я бы почаще в волейбольчик играл, на сёрфе по волнам погонял бы. А, что? Вы не пробовали? Классная вещь. В зеркало я не люблю смотреть, ну его.

Стрельцов. Я себя чувствую так, будто мне года восемьдесят четыре, и когда вижу себя в зеркало, нахожу себя совсем даже ничего.

Лица Шумова и Дубинина потускнели. Дубинин разлил виски в бокалы.

Дубинин. За вечную молодость.

Шумов. Точно.

Выпили.

Стрельцов. А помните Таньку? Как же тебе повезло, Лёха. Многие были в нашем классе в неё влюблены.

Дубинин. Да, что многие – все парни.

Стрельцов. Помните, какие у неё были косы пшеничного цвета? А когда она первый раз надела мини-юбку?

Шумов. Да, ладно вам перестаньте. Она обыкновенная баба, такая, как все.

Стрельцов. Тебе легко так говорить. Победитель. Всё ему в жизни удалось. И карьеру сделал и женился на самой лучшей девчонке.

Шумов. Завистники вы жалкие. Давайте лучше сменим тему.

Дубинин (со вздохом). А помните, те годы. Молодость. Берёзовая роща. Берег реки. Костёр. Гитара. Девчонки. О чём мы говорили, трещали без остановки, наговориться не могли. И всё было как-то, не знаю, как сказать, без этого, без грязи.

Стрельцов. Романтично.

Дубинин. Вот точное слово. Романтика.

Шумов (с усмешкой). Романтики. Да, что в ней такого? Какая романтика?

Дубинин. Ты циник. Тебе не понять этого.

Стрельцов. Романтика – это когда ты не думаешь о низком. Вот помните было дело, я дружил с Катькой Пономарёвой из параллельного класса? В кино ходил, в цирк. Мороженое ели, по паркам гуляли, но у меня и мысли не было переспать с ней. Мы были тогда чище.

Шумов. Ты просто не хотел её.

Стрельцов. Нет, не в этом дело.

Шумов. В этом. Мучил бедную девушку. Она бедная ждала, ну, когда же он мне задерёт юбку, сукин сын. А ты мозги ей поласкал. Вспомнили романтику. А помните, как с цепями и кастетами бегали биться район на район? Как можно было схлопотать от гопника по физиономии в тёмное время суток только за то, что ты не дал ему прикурить?

Стрельцов. Грязь была всегда. А я помню лучшее.

Шумов. Не люблю это витание в облаках. Надо быть реалистом.

Дубинин. А помните, как любили «Битлз»?

Шумов. О. Это да. Помните, как мы пели и играли в школьной группе?

Дубинин берёт гитару, и друзья начинают петь «Twist and Shout».

Шумов (закрывая глаза ладонью). Ах, почему это всё прошло? Лучше бы мы были музыкантами. Почему мы не «Битлз»? Я тоже так хочу.

Дубинин. Парни. А я ведь участвовал в фестивалях бардовской песни. Да. Бросил свой НИИ в восьмидесятые, колесил по стране, работал грузчиком, выступал.

Стрельцов. А как же Люська?

Дубинин. Мы очень скоро развелись. Прожили полтора года только.

Шумов. Что так?

Дубинин. Да не готов я был тогда к серьёзным отношениям. Она тоже. Сто лет её не видел. Я ведь в России только полгода. Меня где только не носило. И в Финляндии жил и в Германии и в Швеции. В Штатах обитал.

Шумов. Что ты там делал?

Дубинин. Музыкай занимался. Играли по ресторанам и на улице.

Шумов. Так и промотался всю жизнь по странам и городам?

Дубинин. Да, а чего?

Шумов. Видимо тебе, здорово, «Битлы» по голове шандарахнули. И ни жён больше, ни детей?

Дубинин. Нет.

Стрельцов. Вот это судьба. Святой человек.

Дубинин. Я не святой. Я живу, как мне хочется. Музыка – это моя жизнь.

Шумов. Помните, как в десятом классе, мы играли концерт на двадцать третье февраля. «Битлов» пели и даже «Роллингов». Катька Золотова тогда меня после концерта затащила в туалет, и у меня первый раз случилось это.

Дубинин. Да это был крутой концерт. Народ с ума сходил. Я себя чувствовал просто Джоном Ленноном.

Стрельцов. Подожди. Катька Золотова говоришь? Но ты же уже встречался в это время с Танькой.

Шумов. Мы тогда ещё только за ручку с ней ходили, а с Катькой всё было по-взрослому.

Стрельцов. Ты так легко изменил Таньке?

Шумов. Нелегко. Я был пьян немного.

Стрельцов. Ты всегда был негодяем.

Дубинин. А помните, нас на следующий день песочил комсомольский актив школы?

Стрельцов. Да. Меня всё равно в комсомол не приняли, а Лёху и так взяли.

Шумов. Катька-то мне и помогла. У неё в комсомоле всё было налажено и отлажено. Давайте выпьем за прекрасных дам. Нам всё равно, а им приятно.

Он налил в бокалы виски. Выпили.

Стрельцов. Макс. Ты видел мир. Расскажи, как там живут люди? За бугром.

Макс. Везде всё одинаково. Миром правят зависть, алчность, амбиции.

Шумов. Я бы ещё добавил секс и комплексы.

Стрельцов. У тебя какой комплекс? Мания величия?

Шумов. Ага и комплекс неполноценности. Нет, парни, комплексы, они у каждого есть, на самом деле. Если покопаться, то можно найти у себя какой-нибудь косячок. Комплекс или фобию. Я вот помню, в детстве очень боялся получить плохую оценку и потом всегда желал другим плохих оценок. Я всё время хотел быть первым.

Стрельцов. Президентом?

Шумов. Из чиновника мэрии доскакать до президентского кресла. Нет уже поздно. До мэра, может быть, успею и то тяжело. Хотя бы до заместителя мэра, мне этого хватит.

Дубинин. А я в детстве боялся ядерной войны. Мне мерещилось, что скоро рванёт. И сны страшные снились с ядерными грибами. Потом отлегло, когда перестройка наступила. Я так радовался.

Стрельцов. Я всю жизнь боялся зубных врачей и вида крови. И сейчас боюсь.

Дубинин. Я последний раз был у зубного лет пятнадцать назад.

Шумов. Неудивительно. Надолго ты к нам, в Россию?

Дубинин. Что значит надолго? Навсегда. Я помирать на родину вернулся.

Шумов. Что, значит, помирать?

Дубинин. Ты, что не знаешь, что значит помирать?

Шумов. Ты это, старик, брось. Пятьдесят пять – это ещё не финал.

Дубинин. Кому как. А я решил.

Стрельцов. Чего решил?

Дубинин. Заканчивать.

Стрельцов. Ты с ума сошёл? Эта жизнь, конечно, полное дерьмо; но... вдруг...

Дубинин. Что вдруг?

Стрельцов. Будут перемены к лучшему.

Дубинин. Дело не в этом. Нет разницы к лучшему или худшему. Что такое худшее? Я прожил жизнь, не имея постоянного дома и заработка. У меня часто не хватало денег на еду и одежду. Многие люди, глядя на такую жизнь, подумают, что это и есть худшее. А я был счастливым. Да. Да. Потому что был свободным и делал, что хотел. Многие считают меня дураком. А они сами кто? Они, работающие на государства и на дядю; рабы, привязанные к работе, которую часто ненавидят. Их можно назвать счастливыми людьми?

Шумов. Старик, я тебе завидую. Какой же я кретин, тупо проживший жизнь. У меня так духу не хватило бы и смелости: не подчиняться, не прогибаться, не юлить.

Стрельцов. Подожди, дружище. Ты счастлив и зачем, тогда заканчивать, когда всё хорошо.

Дубинин. Всё хорошее заканчивается. Счастье моё кончилось. Мне пятьдесят пять и я ещё до сих пор жив. Коббейн ушёл. Джон Леннон. Джимми Хендриксон.

Шумов (с удивлённым лицом). Это факт.

Стрельцов. Они ушли.

Дубинин. А я? Я, чем хуже их?

Шумов. Ты лучше.

Стрельцов. Да. И потом рано ещё. Ты ещё должен выстрелить, друг. Они выстрелили, а ты нет.

Дубинин. Разве?

Стрельцов. Твой успех ещё впереди.

Дубинин. Успех – как это пошло и гадко. Впрочем, меня зовут принять участие в бэнде. Какие-то малолетки, лет по двадцать. Может быть, я с ними выступлю?

Шумов. Это не твой уровень, старина.

Стрельцов. Тебе нужна собственная группа.

Дубинин. Да. Да только, где я возьму музыкантов?

Стрельцов. Возьми меня. В выходные я могу участвовать в концертах.

Шумов. И меня.

Дубинин и Стрельцов удивлённо смотрят на него.

Стрельцов. Не смейся мои седые яйца.

Дубинин. Лёха, ты реально готов потратить часть своего драгоценного времени на музыку?

Шумов. А что? Мы начнём зарабатывать концертами, и я брошу свою работу. Мне всё это надоело. Я хочу быть свободным.

Стрельцов. Это поступок.

У Шумова звонит мобильный телефон в нагрудном кармане рубашки. Он достаёт его, встаёт из-за стола, и, расхаживая по комнате, отвечает на звонок.

Шумов. Да, Николай Ильич. Я подготовлю документы послезавтра. Железно. Тендеры с Прокофьевым переформируем в лучшем виде, как я обещал. А что с Леоновым? Не соглашается. На коленях буду ползать, но уломаю. Сделаю всё возможное и невозможное. А вы про это. Да, я виноват. Да, я сукин сын. Да, я... гнида. Это больше не повторится. Клянусь. Чем? Честью и репутацией. Что? Нет, у меня ни того, ни другого? Простите меня. Я обязательно исправлюсь и всё исправлю. Да. Да. Всего хорошего, Николай Ильич.

Стрельцов (ухмыляясь). На коленях буду ползать.

Дубинин. Чиновничья душа.

Шумов смотрит задумчиво в окно, потом садится на стул.

Шумов. Смеётесь? Всё кругом ненавидят чиновников. А за что? За успех? За богатство? А, что мешает или мешало вам, господа, идти в чиновники? Лень? Или не хотите мараться? Какая глупая зависть? Да любой окажись на нашем месте и брал бы и лизоблюдничал.

Стрельцов. Допустим не любой.

Шумов снова встаёт из-за стола.

Шумов. Ты думаешь, я пошёл в чиновники, чтобы взятки брать и воровать? Нет, братец, не для этого. Хорошей жизни хотел, это да. Но главное, что мне это было интересно. Интересно! Может быть, я тоже счастливый человек, как Макс.

Стрельцов. Предлагаю выпить за счастливых людей.

Стрельцов разливает виски. Шумов садится. Выпивают.

Дубинин. А помните, как в десятом классе? Мы поехали на картошку. Вечером к нам пристали деревенские и мы чуть не подрались с ними.

Стрельцов. Танька тогда носила длинную косу почти до задницы.

Дубинин. Я тогда думал, что она дала тебе.

Стрельцов. Перестань.

Дубинин. Скромник. Помню, как вы за ручку ходили куда-то.

Стрельцов. Это было две недели.

Дубинин. Три. (Шумову) Ты не ревнуешь?

Шумов. Дураки вы.

Дубинин. Да. Ты умнее нас всех оказался. Выбился в люди. А мы шелупонь.

Шумов. Я и говорю, дураки.

Дубинин. Делай нам больно, делай.

Стрельцов. А мне не больно.

Дубинин. Правильно. Привык уже. Это сначала больно, а просто привыкаешь.

Шумов. Ребят. Да вы мазохисты.

Дубинин. Нет. Это шутки у нас такие дурацкие.

Стрельцов. Совсем немного времени назад мы думали, что это самый счастливый человек.

Дубинин. Индюк тоже думал. Дальше сами знаете.

2 действие

Звук открывающегося замка. В квартиру входит Инга. Она сбрасывает туфли и удивлённо смотрит на кампанию мужчин.

Шумов. Инга.

Инга. Кто это?

Шумов. Это мои друзья. Максим и Александр.

Шумов привстаёт из-за стола и идёт к Инге.

Инга. Алексей. Что это за беспредел?! Ты почему не помыл посуду?

Шумов (остановившись). Сейчас, сейчас, совсем забыл. (Друзьям) Я быстро.

Шумов бежит к раковине и начинает мыть посуду. Инга стоит задумчиво у окна, и не обращает внимание на друзей Шумова. Стрельцов и Дубинин испуганно переглядываются.

Дубинин. Лёш, может быть, мы пойдём?

Шумов. Нет. Я сказал, я быстро.

Шумов домывает посуду и подбегает к Инге, берёт её за руку и подводит к столу.

Шумов. Прошу любить и жаловать, это моя жена, Инга.

Дубинин. Макс, Максим.

Стрельцов. Саша.

Инга садится на стул за стол с высокомерным видом.

Шумов. Милая, а я думал ты останешься у Светки, как ты говорила. Что случилось?

Инга. Мне надоело общаться с этими неинтересными людьми.

Шумов. Что же в них неинтересного?

Инга. Мне надоели их все эти гадания на Таро. Всё гадают на суженого ряженого. Мне тоже хочется.

Шумов. Ну, тебе... Тебе – уже поезд ушёл. У тебя есть законный муж.

Инга. Знаю, поэтому мне очень грустно.

Шумов. Я что-нибудь придумаю, чтобы тебя развеселить. Хочешь слетать куда-нибудь?

Инга. Мы уже везде были.

Шумов. В Испании ещё не были.

Инга. Как же были.

Шумов. Нет. Это ты путаешь с Италией.

Инга. Да, а какая разница?

Стрельцов. Такая, как между Швейцарией и Швецией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.